

Неизданныя письма Фридриха Великаго о его отноше- ніяхъ къ Россіи.

Въ нѣмецкомъ журналѣ „Gartenlaube“, за іюль 1914 г. помѣщены неизвѣстныя до сихъ поръ письма Фридриха Великаго къ принцу прусскому Генриху,—его брату, при чемъ приводится факсимиле писемъ и указывается, что подлинность ихъ подтверждается отвѣтными письмами Генриха, хранящимися въ королевскомъ государственномъ тайномъ архивѣ.

Въ первомъ изъ нихъ, помѣченномъ „се 18“ и написанномъ, какъ предполагаютъ, 18-го іюля 1768 г., Фридрихъ, передавая о политическихъ событіяхъ въ Европѣ, своеобразными чертами рисуетъ современныхъ ему государей; въ концѣ письма онъ изображаетъ свое собственное бѣдственное положеніе во время семилѣтней войны. Приводимъ это письмо цѣликомъ:

Сего 18-го.

Мой дорогой братъ, если вы находите нужнымъ предпринять ваше путешествіе, то это вполнѣ зависитъ отъ васъ. Если вы желаете взять съ собой Лавильета, то я посмотрю, кѣмъ можно лучше всего его замѣнить.

Письма въ Брауншвейгъ и Гаагу я уже приготовилъ. Будьте добры увѣдомить меня—прислать ли вамъ ихъ или же, если это васъ не затруднитъ, вы возьмете ихъ лично. Сестра Амалія здѣсь; я развлекаю ее „Обращеніемъ св. Августина“ и „Эмаусскими паломниками“. Вы найдете довольно страннымъ мое положеніе среди этихъ лицъ, но я слушаю музыку и не обращаю вниманія на слова. Можно изъ всего извлечь пользу на этомъ свѣтѣ и, при желаніи, позабавиться тѣмъ, что другому показав-

лось бы скучнымъ. Также и относительно политики. Я восхищаюсь широкими замыслами другихъ, поражаясь, что для такой короткой жизни составляются такіе большіе планы, смѣюсь надъ совершающимися глупостями; признаюсь вамъ, что политическая сумятица такъ занята, — пока самъ не находишься на той сценѣ, гдѣ разыгрывается вся эта комедія, — что изъ нея сдѣлали нѣчто въ родѣ общественнаго увеселенія благодаря газетамъ, освѣдомляющимъ публику, худо или хорошо, о тѣхъ пустякахъ, которыми занято столько свѣтлѣйшихъ головъ. Я держусь, какъ нельзя болѣе, пассивно въ своемъ маленькомъ уголкѣ, который принадлежитъ мнѣ въ Европѣ, и поэтому я могу спокойно и равнодушно смотрѣть на то, что такъ сильно волнуетъ другихъ.

Русскіе испытываютъ жестокое затрудненіе въ Польшѣ, и между нами будь сказано — какого чорта имъ тамъ надо. Король Даніи отправился удивлять Европу своими причудами, — я предпочитаю скрывать свои — въ уединенія. Шуазель захватываетъ Корсику, дрожа отъ страха передъ англичанами, — я ничего не присваиваю и ни передъ кѣмъ не дрожу. Императоръ производитъ смотры, — вотъ когда я отъ всей души позабавлюсь! Папа разоблаченный шарлатанъ, — я, никого не обманывавшій, не потеряю высокаго престижа, которымъ никогда не пользовался. Шведскій король — аптекаръ неимѣющій сахара, — у меня еще есть и сахаръ и аптека.

Его британское величество служить своимъ подданнымъ мишенью для даванья щелчковъ въ носъ. Что касается щелчковъ, то мой носъ еще цѣлъ и невредимъ. Нѣсколько пинковъ ногой въ з—у, полученныхъ мной въ послѣднюю войну, — не идутъ въ счетъ. Меня наградили ими мои враги, и, въ концѣ-концовъ, это героическія несчастья, и мы можемъ найти въ нихъ даже удовлетвореніе своему самолюбію, если поставить себѣ въ заслугу то, что мы счастливо изъ нихъ выпутались.

Простите, дорогой братъ, тѣ глупости, которыя я вамъ пишу. Удовольствіе видѣть свою сестру приводитъ меня въ веселое настроеніе духа и возвращаетъ молодость моимъ старымъ костюмамъ "...

Второе письмо написано два года спустя — во время первой русско-турецкой войны. Въ началѣ письма Фридрихъ сообщаетъ своему брату о томъ, что онъ сильно болѣетъ геморроемъ, „не всякому суждено“, пишетъ онъ дальше: „достичь возраста стараго барона. Онъ и Маэасуиль пользуются особыми привилегіями. Я думаю, старый баронъ помолодѣлъ отъ удовольствія, которое доставили вы ему, почтивъ день его рожденія. Я убѣ-

жденъ, что онъ чванится, какъ павлинъ, и ни въ чемъ не уступить теперь ни Виллару, ни Монморанси.

Принцесса Азовская можетъ, сколько ей угодно, расхваливать свое отечество,—у меня не явится ни малѣйшаго желанія туда отправиться. Это нація, покрытая ржавчиной варварства; она была слѣпа, но теперь начинаетъ однимъ глазомъ различать кое-что и воображаетъ, что она имѣетъ уже нѣкоторое значеніе. Что касается ея государыни, то я думаю, что она очень гуманна по отношенію къ тѣмъ, кто не мѣшаетъ ея честолюбію, но въ виду того, что она обладаетъ опасными средствами для тѣхъ, кто страдаетъ геморроемъ, то я ни подъ какимъ видомъ не пожелалъ бы попасть къ ней въ руки. Успѣхи ея войскъ въ Молдавіи—болѣе, чѣмъ несомнѣнны. По непостижимому ослѣпленію тщеславный владыка, прошлаго величія, Оттоманской имперіи хочетъ продолжать войну во что бы то ни стало, не замѣчая разверзающейся у его ногъ пропасти. Я полагаю, что Шуазель хорошо понимаетъ,—какъ неудачна его затѣя и что война эта поведетъ къ большимъ послѣдствіямъ, противоположнымъ его намѣреніямъ и которыхъ онъ никоимъ образомъ не ожидалъ, приводя въ исполненіе свой планъ. Когда смирно пребываешь въ своемъ уголкѣ Европы, стараешься не ставить себя въ подобное положеніе, но иногда, косвеннымъ образомъ, страдаешь отъ послѣдствій чужого легкомыслія“.

Личная неприязнь Фридриха къ Императрицѣ Екатеринѣ объясняется, отчасти, сознаниемъ, что она не дастъ себя провести и въ внѣшней политикѣ будетъ всегда слѣдовать исключительно интересамъ своей страны. Онъ видѣлъ въ ней опаснаго врага и не могъ сочувственно относиться къ успѣхамъ русскаго оружія.

Съ такой же откровенностью онъ высказываетъ свое отношеніе къ ней въ другомъ письмѣ къ Генриху. Рассказывая о томъ, что турки въ Молдавіи вырѣзали четыре роты русскихъ гренадеръ, онъ говоритъ: это только маленькое вступленіе, и я боюсь, что дѣло этимъ не кончится и что послѣ войны ея все-россійское Величество окончательно сопричислится съ Отцемъ, Сыномъ и исходящимъ отъ нихъ св. Духомъ, чтобы образовать четвероединство. Что бы она ни дѣлала, она никогда не будетъ моимъ божествомъ. Слишкомъ много трехъ, четвертое—совсѣмъ уже нельзя переварить“.

Приведенное выше письмо, помѣченное „сего 8-го“ относятся къ 8-му марта 1770 г.

Въ 1769 г. Фридрихъ принужденъ былъ возобновить союзъ съ Россіей для того, чтобы,—какъ онъ самъ говорилъ,—„se procurer quelques années d'une paix solide et assurée pour rétablir toutes les provinces ravagées et abimées par la 'guerre (доставить себѣ нѣсколько лѣтъ прочнаго и вѣрнаго мира, чтобы возстановить опустошенныя и разворенныя войной области).

Третье изъ напечатанныхъ писемъ представляетъ интересъ, какъ выраженіе философскихъ воззрѣній Фридриха на жизнь и „конецъ вещей“.

Четвертое и послѣднее письмо Фридриха, помѣщенное въ „Gartenlaube“—до насъ не дошло вслѣдствіе наступленія настоящей войны и перерыва сношеній нашихъ съ Германіей.

Н. Бѣлова.

